

ЧАСТЬ I

Глава 1

За окном сгущалась темнота, будто кто-то невидимый укрывал дом огромным тёмным одеялом. В кухне трещали дрова в печи, и от этого звука становилось уютно, как будто сама печка разговаривала с нами на своём, тёплом и искрящемся языке. Света не было: то ли лампочка перегорела, то ли отключили, — я так и не знала. Но у нас горела свеча, и её золотой огонёк качался, отражаясь в жестяной ванне, стоящей на двух табуретах прямо посреди комнаты.

В этой ванне мама купала нас всех по очереди: братьев, сестру и меня. Вода плескалась и пахла тёплым железом. Мы были похожи на маленьких карасиков: кто смеялся, кто спорил за место, кто пускал пузыри. Старший брат, Володя, уже выглядел почти взрослым: ему целых двенадцать, и он помогал маме держать полотенца. Игнат, пятилетний, был очень тихим и робким — сидел настороженно, будто боялся всплеска или чужого окрика. Артём, трёхлетний, был вечно по уши в мыле, а малышка Влада сидела на краю дивана, ожидая своей очереди, смешно теребя подол.

А я — Настя, средняя. Та, что вроде и не маленькая, и не большая. Мне казалось, что я обязана за всеми следить, хотя мне самой было всего четыре года.

Отец в это время сидел на диване и играл на гармошке. Кухня была наполнена паром и звуками: треск дров в печи, плеск воды и эти протяжные, чуть грустные перебивы отцовской гармошки. Удивительно, но именно она делала его другим. Будто на время он становился мягче,

ближе. Я смотрела на его руки – крепкие, мозолистые, но сейчас они легко нажимали клавиши, и в них не было ни злости, ни тяжести. Это, пожалуй, самое тёплое воспоминание о нём, которое храню до сих пор.

Иногда отец приезжал домой на гусеничном тракторе, и рёв мотора был слышен задолго до того, как машина показывалась за домом. Мы с визгом бежали к калитке, и он позволял нам сидеть на ступеньке, пока трактор тарахтел во дворе.

Однажды он появился на голубом мотороллере. Настоящее чудо техники: блестящий, необычный, похожий на игрушку для взрослого мальчика. Мы бегали вокруг и спорили, кому первому дадут прокатиться «на ручке». До сих пор, когда где-то мелькает похожий мотороллер, внутри всё откликается: это папа, это то лето, когда он ещё мог быть для нас героем...

Но чаще его появление приносило в дом какое-то напряжение. Я хорошо помню один вечер. Мы возились с братьями и сестрой, хохотали, когда дверь открылась и вошёл отец. Смех наш моментально прекратился, будто кто выключил звук. Мы сели смирно, как солдатики на построении. Мама, не поднимая головы, накрывала на стол. Она поставила перед отцом глубокую тарелку супа, и всё вокруг стало тихо-тихо.

В следующую секунду тарелка взлетела в воздух и с грохотом разбилась на полу прямо возле маминых ног. Мы с братьями и сестрой подскочили – хотелось скорее убрать осколки, но отец резко рявкнул: «Пусть сама убирает». Оказалось, в супе не было мяса. Я запомнила даже не сам крик, а напряжение в комнате: горячий пар от печи, запах супа и резкая тишина, в которой все движения стали как бы замедленными.

А потом... потом отца не стало. Нам сказали, что он погиб, попал под поезд. Я была маленькой и никак не

могла понять, что это значит. Слез не было, и горя тоже. Только удивлённая пустота. Я смотрела на маму: она стояла печальная, ссутулившаяся, будто стала ниже ростом. И выражение её лица я помню лучше всего.

Через какое-то время мама повела нас на вокзал. Мы шли молча, будто сами понимали, что это не прогулка. На рельсах я заметила что-то странное: тонкие бледные полосы, похожие на маленькие кишки. Я долго смотрела, не понимая, что это.

— Это мозги вашего отца, — тихо сказала мама.

На самом деле я не знала, что такое «мозги», но её голос прозвучал так, что внутри всё похолодело. Не было ни слёз, ни крика. Только немое изумление, как будто мир показал мне что-то, чего я вовсе не хотела видеть.

Эта картина врезалась в мою память навсегда: шпалы, блеск рельсов и усталый мамин голос. Я и сейчас, вспоминая, вижу именно её, эту картину — как детский взгляд, случайно проникший слишком глубоко в чужую правду.

Так в четыре года у меня не стало отца. Похорон я не помню. В памяти только поездка в электричке: за окном мелькали поля, а мама вдруг показала рукой на маленькую церковь.

— Там ваш отец, — сказала она.

Я прижалась лбом к стеклу, всматриваясь в белый домик с куполом. Позже я узнала, что рядом было кладбище. Мы часто туда ходили с мамой, и слова «там папа» постепенно превратились для меня в адрес, в точку на карте, к которой мы возвращались снова и снова.

Я не знала точно, сколько времени прошло после похорон, но мама сказала, что всё это случилось на сороковой день. С тех пор во мне надолго поселился страх. Такой, что мурашки бегали даже при одном воспоминании.

Была зима. Снег лежал повсюду белыми сугробами, но в тот день не падала ни одна снежинка. Мы жили в большом доме. Соседи – старенькая, недружелюбная пара – обитали через дорогу, всего в сотне метров. Для нашего хутора это было редкостью: обычно дома располагались друг от друга на расстоянии в километр, а то и больше. У них был телефон – единственный на все окрестные дворы.

В тот поздний вечер мы сидели на полу возле маминной кровати. Она отдыхала, а мы с братьями и сестрой возились с игрушками. В доме, кроме нас с мамой, была только старая большая собака. Печь тихо гудела, трещала угольками, от неё тянуло теплом, и это тепло было нашей единственной защитой. Вдруг кто-то постучал в оконную раму.

Первый стук прозвучал так тихо, что я решила: показалось. Мы переглянулись. Потом он повторился, но уже в другое окно. Мы замерли, даже игрушками перестали шуметь.

Через минуту загрохотало уже во все окна разом. Стук усиливался, бился в рамы так, будто кто-то ходил вокруг дома не останавливаясь. Наша собака подошла к окну, понюхала и вдруг поджала хвост, убежала в угол и там спряталась. Если даже собака боится, значит, всё серьёзно – это я поняла всей кожей.

Мы прижались друг к другу, как цыплята. Сердце стучало в горле, страшно было дышать. Казалось, что, если кто-то снаружи услышит наш вздох, окна точно вылетят.

– Кто там?! – закричала мама в темноту.

Ответа не было. Только удары по стеклу – настойчивые, без пауз. Мама кричала всё громче, не стесняясь ни слов своих, ни злости. А мы сидели испуганной кучкой в углу и дрожали так, что, казалось, пол под нами ходил ходуном.